Солженицын А.И. 20.06.92

Жена Солженицына

она приехала в Россию, домой, впервые после 18-летней разлуки с родиной

Вермонт. Пасхальные каникулы. Семья Солженицыных.

ОНА ГОВОРИТ, задумавшись: мы живем в лесу, работаем все восемнадцать лет по четырнадцать часов в сутки, можно бы сказать: жизнь каторжная, но для нас — счастливая.

Она сетует: с таким скрипом движутся здесь, в Москве, дела. Летела из Америки, надеялась, с Фондом пойдет быстрее. Я высказываю предположение: может, чиновники получить чего желают, ведь у них дети, семьи? Тогда уже она произносит быстро и жестко:

— Не дам!

Потом объясняет: у нас не бизнес, а Фонд помощи.

И в эту секунду, в этих словах я, наконец, узнаю с облегчением Наталью Дмитриевну. А в первые мгновения растерялся даже. После двух лет телефонного знакомства я представлял ее совсем другой. Резкой, быстрой, напористой, властной. Мысленно называл ее министром обороны Солженицына. А увидел: шагнула навстречу, подала мягко руку — миниатюрная, стройная дама, глаза глубокие, живые и даже (кажется) чуть-чуть беззащитные. Конечно, и властность, и резкость — все имеется. Но важно поглядеть хоть раз в глаза и обнаружить то, чего не поймешь по телефону: искры смеха, естественность, обаяние.

Два года назад, а точнее, в августе 90-го, Наталья Дмитриевна передала в наш корпункт в Нью-Йорке коротенький ответ Александра Исаевича тогдашнему российскому премьеру. В нескольких абзацах — о решении переезжать в Россию окончательно. Однако писатель на родине не будет гостем, он сюда жить и умирать приедет. И здесь же маленький «крючок», поставленный опытной рукой умудренного конспиратора: написал статью большую, вот бы, для начала, напечатать ее на родине, изданием массовым и дешевым, чтобы дошла и до дальних уголков России... «Крючок» сработал, состоялся «поклев». Мне пришла в голову безумная мысль, а что может быть более массовым и дешевым, нежели (тогдашний) 22-миллионный тираж «Комсомолки» по (той еще) цене в 3 копейки?

Представляю, какая сцена была в Вермонте, когда раздался звонок, и из телефонной трубки донеслось: «Это дом Солженицыных? С вами говорит «Комсомольская правда». Предлагаем напечатать статью без сокращений...» Через три дня Наталья Дмитриевна передала твердый ответ: печатаем. Но условие поставила суровое: никаких комментариев, портретов, биографий. Из писателя не надо икону делать. Попробовали убедить: в дальних-то как раз уголках, может статься, и в лицо его не знают? Редкость, говорят, но убедили: самая простая фотография. Биография — в несколько строк.

До путча оставался ровно год. Огромную статью антикоммуниста № 1 «Комсомольская правда» печатала втемную.

Названия даже не знали. Но почему-то нарастала уверенность: будет — о России... Опять чувствовалась опытная рука — текст пошел двумя каналами. Один экземпляр привезла теща писателя, Екатерина Фердинандовна. Второй, в виде брошюры с 5-тысячным тиражом, привез в Москву из Парижа постоянный издатель Солженицына, Никита Алексеевич Струве. Мы набрали верстку по первому тексту буквально за день. И когда Струве прямо в аэропорту показал журналисту из ТСН брошюру, мы (что поделаешь, газетное честолюбие) лишили, увы, парижского издателя сенсации. Я быстро вытащил из-под пиджака верстку и приставил к его брошюре — перед телекамерой...

Когда ждали текст, гадали о названии. В редакции мрачно шутили: ну чего гадать-то, пришлет наверняка «Смерть коммунизму!» Получили, прочли — название глубокое и мудрое: «Как нам обустроить Россию?» (хотя, конечно, сразу же, при первом чтении, царапнули несколько фраз — и о знаменитом «подбрюшьи», и о некоторых других межнациональных и социальных делах; выполняя, разумеется, условия о невмешательстве в текст, все же попросили передать автору наше впечатление и одно место им было уточнено).

Первый шквал после публикации — в Верховном Совете СССР. Каждый день по 2—3 раза говорим с Натальей Дмитриевной. В газетах подробности не печатались, и в Вермонте сначала не знали, какую, к его чести, атаку выдержал М. Горбачев. Именно тогда, на родине впервые, на уровне Президента, было сказано: не просто знаменитый писатель, а великий... Правда, волнуясь, возможно, М. Горбачев допустил неточность: сказал, что Солженицын «весь в прошлом, в монархии» (в этой статье этого абсолютно нет). В Кремле же не знали других подробностей: сразу после того, как незаслуженный упрек в монархизме обошел мир, несколько западных телекомпаний пытались взять интервью у писателя и попробовать столкнуть его на этом с Президентом СССР. Но, к чести теперь уже А. Солженицына, он это делать отказался, а интервью такого никому не дал...

Все эти страсти высокого напряжения, завихряясь, проходили через телефонный эфир, соединивший Москву с Вермонтом. Тонкий дипломат и стойкий боец, это маленькая, сидящая сейчас напротив меня женщина провела ту операцию с напором и блеском.

Я смотрю на нее и думаю: и так 18 лет, и не только телефонные баталии (А. Солженицын, по старой московской привычке, по телефону практически не разговаривает), а еще и четверо детей, и два больших дома, и переписка, и редактирование, и набор (у них дома своя небольшая типография), и ведение архива, и исследование громадного исторического материала... Это что же, напротив меня — целый НИИ, и неужели никто не помогает?

— Знаете, мы живем в бедном и гордом штате. Свободных рук нет в округе, в семьях соседей — фермеров все работают. Поэтому надо самим крутиться. Это обязательно запишите: людской помощи нет. Но есть, безусловно, другая помощь, Божья... Иначе, я не знаю, как удалось бы управиться?

— А кто хозяйство ведет, обед готовит, дом убирает?

— Убираю, стираю я. Продукты мама ездит покупать (она у нас, в свои 73 года, шофер экстра-класса, хотя и я, конечно, вожу машину). Готовим с ней вдвоем. Питаемся не из пакетов. Культа из еды не делаем. В семье любят щи, котлеты, гречневую кашу, борщ.

— Распорядок дня в семье есть постоянный?

— Самый простой. Александр Исаевич встает рано, не позднее семи. Летом же в семь уже за письменным столом. Кофе — и за работу. Несколько раз в день слушает новости по радио. Обедаем поздно. Выходных нет. Только по воскресеньям, утром, церковь.

— А на вас еще и дети...

— Они рано уехали из семьи — еще в 15—16 лет. Городок маленький, а надо учиться. Но в детстве, конечно, немало времени на них требовалось. Мы ставили цель — не столько дать им большой объем знаний, сколько умение самим строить день, работу, жизнь. Еще до того, как они пошли в вермонтскую школу, научились читать по-русски и читали много и серьезно: в океане английского это очень важно, иначе недолго потерять свой язык. Я учила их русскому, отец математике, алгебре, геометрии...

— Обычно представление, что Александр Исаевич, закрывшись, пишет и пишет... Стало быть, и сыновьями занимается?

— Нет, ну что вы! В семье как в семье. Да еще в изгнании. Вокруг нас ведь русских нет. Оттого семья еще дружней...

— Скажите, вам рядом со знаменитым человеком жить нелегко?

— С чего вы взяли? Мне с Александром Исаевичем жить легко, просто, радостно. Другое дело — отношения с внешним миром. Так это все, внешний мир сначала разбивается о меня. Густота, плотность воздуха большая вокруг. Даже те, кто делает вид, будто относятся к нему равнодушно,— именно вид делают.

— Между собой спорите?

— Увы, я большая спорщица. Много спорим. А вообще, воздух в семье, между собой и с детьми очень дружеский.

— В глазах детей, рядом со знаменитым отцом, не проигрываете?

— Мне это не грозит.

— В спорах с мужем кто чаще побеждает? А ссоры? Бывают?

— Неважно, кто побеждает, важно, кто прав. В спорах о дальнем, большом, как правило, выходит прав он, в ближайших решениях, бывает, я. Спорим же не о цели, а о пути. А ссор — нет, не бывает, ссорятся в семьях, когда над ними неба нет.

— Над вами есть небо?

— Есть... Конечно, бывают сложные моменты. Но жизнь, стрела остро отточенная, выносит. И согласие находится, если не забываешь масштаба... Мне повезло, что рядом человек, с которым нельзя забыть масштаб, соразмерность вещей, ценностей.

— Ну вообще-то легкости в такой жизни немного, если все время шкалу вечных ценностей держать в голове... С другой стороны, прелесть женщины и в том, что она нерациональна, непредсказуема, как, скажем, непредсказуема Наташа Ростова.

— Ну да. Но только вы меня не поняли. Масштаб — это не значит, что каждую секунду дума о вечности. Просто в любом деле, в том же воспитании детей, Александр Исаевич сразу выхватывает главное, второстепенное отделяет. У него есть вертикальная шкала — к делу, к людям, миру... А так, конечно, в химии нашего союза — что-то и от меня зависит.

— Наталья Дмитриевна, вопросы теперь деликатные, можете не отвечать, но знать бы важно. Скажите, вот ваш союз возник в борьбе с системой, вы надежная соратница, друг, помощник великого человека. А никогда у вас не появлялось сомнения: любите ли вы его? не разлюбил ли он вас?..

Наталья Дмитриевна молчит мгновение. Отвечая, тщательно выбирает слова, искренне и, кажется, немного волнуясь:

— Счастье... Когда только борьба, только страсть или только нежность — это, мне кажется, для счастья мало. У нас есть все. И мы Богу благодарны за то, что встретились.

— Жизнь сложилась. Но вспомните, 18 лет назад,— мужа выслали, вы, молодая женщина, с детьми, на какое-то время одна осталась. Тогда, если честно, у вас не возникало колебаний — выбор сделал муж, и за себя и за вас,— но вдруг он ошибся, вдруг ваша жизнь под откос пошла?

— Ни минуты. Мы все для себя решили. Все — вплоть до смерти. Все было до конца слишком серьезным, как всегда серьезна смерть. Мы и детей рожали, а о том помнили. Конечно, я бы солгала, если бы сказала, что не было страшно. Страх был. Особенно за детей страх. Ответственность. Но мы семья христианская — потому, наверное, страх никогда не перехлестывал, не диктовал. И еще всегда была ответственность за погибших...

— А как ваша мама к вашей деятельности относилась?

— От нее в 73-м требовали осудить А. И.— она положила партбилет.

— Видимо, у вас мамин характер. Вы, кажется, из семьи репрессированных...

— Дед в лагере погиб. По другой линии всех извели. Родных не осталось. Отец на фронте убит. Что касается выбора цели, то тот выбор был мой. А тогда, 18 лет назад,— что ж, малышами, как елка обвешана, самого меньшего, шестимесячного, когда выезжала, везла в корзинке.

— Почему же вы не вместе-то поехали?

— Так его же под конвоем увезли, силой... А я должна была остаться еще на полтора месяца,— надо было архив нелегально переправить.

— Так, с четырьмя на руках, в одиночку, почти что соломенная вдова — и еще занимались подпольной работой... Вы скажите, а у вас были и есть подруги?

— Больше друзья...

— Именно так?

— Да, как-то всю жизнь больше так.

Она видит, что мне хочется закурить, после 2-х часов разговора. И говорит:

— Курите. Я сама всю жизнь курила. Бросила.

КОГДА ОНА собиралась в Москву, я позвонил в Вермонт уточнить, когда встретить и когда можно будет поговорить для газеты. Наталья Дмитриевна была, как водится, настроена решительно: встречать не надо. Сама позвоню... Позвонила. Спросила: о чем собираюсь говорить с ней? Ей не хотелось, чтобы кто-то думал, будто она собирается какие-нибудь истины

9

10

11

12

в последней инстанции изрекать. Если говорить, то лучше как с частным человеком. С женой, матерью, женщиной? Вот это пожалуйста. Это и проще.

Честно сказать, мне ее подход понравился. Жены великих бывают разные. Одна (человек, бесспорно, уважаемый) стала выступать по программе «Время» и давать установки по части генерального курса на либерализацию и демократию... Это, наверное, та самая-самая соразмерность, чувство редкое — оно или есть, или его нет.

Но, кажется, в данном случае и мне отказало чувство меры. Я так увлекся частной жизнью Вермонта, что Наталья Дмитриевна не выдержала: спросите что-нибудь и о работе, ведь это, в конце концов, важнее!.. Итак, что касается работы:

— «Красное колесо» — глыба абсолютно необходимая — для тех,— кто хотел бы понять, что случилось с Россией. Опровергателей фактов не будет — каждый факт выверен перекрестно, по разным источникам.

Переработаны целые архивы, библиотеки, сотни мемуаров, и все пропущено через мощный творческий организм.

Наталья Дмитриевна грустно улыбается:

— Вы спрашивали, почему мы никого не привлекаем на помощь? Как видите, для такой работы исполнителей нет. Для этого не только умения нужны, нужно разделить судьбу.

— Не спрашиваю, когда возвращаетесь — про это не раз говорилось. Спрошу: что Александр Исаевич и вы намерены делать по возвращении?

— Квартиру, где мы прежде жили (там он не имел права с семьей в Москве оставаться более 72 часов), мы хотели бы отвести под Фонд и громадный архив. Где жить? Думаю, не в Москве. Александр Исаевич не может работать в городе. Значит, купим или построим дом за городом. Он хотел бы вернуться к малым формам. К рассказам. Для этого вроде немного надо — карандаш, блокнот. Но нужно, на самом деле, куда больше: нужна Россия. Америка все же добрая мачеха, а мать здесь. Александру Исаевичу нужны для такой уже работы прямые жизненные впечатления. Это его страсть, его радость...

— Ну а общественная деятельность? Не знаю, до вас доходили разговоры — после опубликования теперь уже знаменитой статьи его рейтинг был на уровне крупных политических деятелей. Хотя Александр Исаевич не переступал вермонтского порога. И не раз я слышал, что в нем многие видят кандидата в президенты.

— Вот это исключено. Он не примет никакой — ни государственной, ни политической должности. В общественной жизни, конечно, будет участвовать,— он человек весьма общественный.

— Немного смешно, когда спрашивают: когда именно (какого числа, что ли?) он все-таки вернется? Так и представляется, что, отвечая на этот вопрос, надо сказать: в таком-то месяце я сдаю дом в Вермонте под ордер, чтобы по ордеру выдали жилье в Москве... Если же серьезно, то дом, наверное, останется — там прожита большая часть жизни? Сыновья там останутся?

— Мы их не неволим.

— А как материнское сердце подсказывает: не поедут за вами вслед?

— Мне кажется: поедут. Не за нами вслед. А на родину.

— Вы, москвичка, после 18 лет, четвертую неделю в Москве...

— Вы знаете, двоякое ощущение. Это вам трудно понять. 18 лет не слышать русской речи. Но вот я сейчас стараюсь ездить в трамвае, метро — и слушаю, слушаю. Вы не представляете, что значит слышать простые объявления в метро по-русски. Москва красивая, зеленая. Это первое ощущение. Второе — боли, скорби. Что сейчас происходит — этого наш народ не заслуживает. Просто ограбление народа. Все доходы у пожилых только на молоко и хлеб. А я еще не видела тех, кому всех хуже,— больных, дряхлых, они, наверное, вообще из дома не выходят... Начать производство никто не может — огромные же деньги требуются. Я сначала увидела торговлю на улицах — порадовалась: все-таки, хоть и за немалые деньги, но из товаров что-то появилось, а прежде под прилавком держали. Но приглядела — это же одна переторговля! Мальчишки стекла машин моют — что, конечно, полезно, лучше работать, а не болтаться. Но вот штрих: обрызгают стекло, на перекрестке, и не вытирают, ждут, когда заплатят. Так это, милые, вымогательство...

— Может, и предосторожность — не все за услугу деньги платят.

— Тоже не дело. Какие же отношения? Рыночные? Или пиратские?.. Вообще же, видно по глазам, особенно мужчин (не в кабинетах — на улицах): народ обидели. Это же унизительно для мужчины — не быть способным прокормить семью.

— Многие все-таки зашевелились. Стыдно становится — прежде за получку отбывать от звонка до звонка стыдно не было.

— Нет, народ обижают, но удивительно, пока он переносит это с достоинством... Слышу по радио заявление: политика правительства остается неизменной. Какая же политика? Нигде не напечатан полный текст реформы. Говорят: не поймут! Да вы напечатайте сначала, это ваша обязанность!

— Видите ли, Наталья Дмитриевна, это народ полный текст не видел. А он, еще даже до сообщений в прессе, объявления в Верховном Совете, прошел втихую апробацию и получил «добро» за рубежом страны, которой эта реформа касается,— какое-нибудь правительство в мире могло бы себе позволить презрительное обращение со своим народом? И где оно, получается, находит источники легитимности, оправдания своей власти — у своего народа или у чужих правительств?

— Ясно, что мы живем во многом ради будущих поколений. Но ведь нельзя вынимать последнее из людей, из которых все и так вынули. И поколения будущие — вот они, дети. Им надо нормально есть, им нужен светлый достойный пример... Когда была несвобода, я заметила, люди больше помогали друг другу. Этого сейчас меньше, люди замкнулись. Правда, другое радует — я часто хожу в церковь — там сейчас очень много молодых, светлых, чистых лиц.

— Это хоть как-то обнадеживает?

— Я абсолютно уверена: в Церкви часть нашей будущей надежды.

— Наталья Дмитриевна, вы, наверное, не могли в эти недели не интересоваться: как сейчас народ относится к Солженицыну?

— Интересный вопрос... Специально — нет. Да и многое мы и там чувствуем. С 74-го года, когда арестовали переписку, у нас по почте не дошло ни одной — даже новогодней — открытки. Письма шли, конечно, но окольно — через дипломатов, через добрых людей, провозивших их на свой страх и бросавших в ящик уже на Западе. Но года три назад плотину прорвало, ручеек с каждым днем стал крепнуть. Больше всего писем не из Москвы и Петрограда — из провинции, отовсюду. Немало просьб, рассказы о судьбе... Один из выводов — власти многого, оказывается, достигли — многие пишущие точно не знают, что с Солженицыным было, как? Так и спрашивают: а вот правда ли, что вы сидели, что вас выслали за то-то и то-то?.. Второе ощущение, устойчивое: его принимают за своего, нет порога, нет ухаба между ним и народом.

— Вам лично пишут?

— Да. Много.

— Сколь часто ругают писателя, критикуют?

— Есть, не часто. А так, мы знаем: многие бы не хотели возвращения Александра Исаевича. Но за три недели сейчас я не встретила ни одного недоброжелателя. Напротив, огромная любовь, огромная тревога.

— Тревога?

— Ну да: с ума сошли, в такое время возвращаться?.. Я получила так много тепла и любви,— не знаю, как довезти до дома. Правда, дом наш — мы все более чувствуем это — не там, а здесь, дом несчастный, мучимый, а оттого еще более родной...

МЫ ЗАВЕРШАЕМ разговор, значительно выйдя из ее жесткого временного графика. Наталья Дмитриевна прихлопывает ладонью по столу: довольно, давайте-ка на этом мы и завершим!.. Моя собеседница шутливо беспокоится: ох, наверное, наговорила я много лишнего. Лишнее уберите! Смеется... Ей важно еще не опоздать на одну абсолютно необходимую встречу, на которой «можно убить сразу много зайцев...».

Мы прощаемся. И я, как в прежние годы принято было,— не могу удержаться, чтобы не поцеловать ей руку.

Александр АФАНАСЬЕВ.